

О.В. Голубкова

Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
E-mail: Olga-11100@yandex.ru

Актуализация образа кикиморы в народных верованиях и «маскарадах» у русских в Западной Сибири

На этнографических материалах рассмотрен образ кикиморы в народных верованиях русских Западной Сибири. В ряде областей России кикимора считалась персонажем домашнего пространства, преимущественно вредоносным, зловецим. Имея устойчивую связь с прядением, кикимора ассоциировалась с символическим воплощением судьбы (божество, прядущее и обрывающее нить жизни). В ее образе угадывались черты архетипического трикстера. Представления о кикиморе коррелируют с символами времени, особенно его «пороговых» периодов – смены суток, перехода от старого года к новому. Вероятно поэтому, маскарадный образ кикиморы вошел в календарную обрядность зимне-весеннего периода. В Западной Сибири до середины XX в. сохранялась традиция рядиться в «кикимору» на Святки и Масленицу («проводы зимы»). Женщины надевали «лохмотья», мазали лица сажей, создавая неряшливый образ. Ряженые «кикиморы» несли шерсть, лен, веретено, чесалку; войдя в дом, изображали, что прядут кудель. Широко распространенные в XX – начале XXI в. представления о кикиморе болотной или лесной, очевидно связаны с размыванием этого образа в народных верованиях и, как следствие, перенесением его в пространство, далекое от культурной среды обитания человека. Исчезающий из народных верований образ кикиморы как домашнего демона, прядущего божества, актуализировался в представлениях о ней как о лесном, болотном духе. Слово «кикимора» прочно закрепилось в русской лексике, став именем нарицательным, ругательством, при этом сохранив характерные признаки персонажа. Маскарадная традиция в XX в. актуализировала рудиментарные представления о кикиморе как о прядущем духе, хотя уже были утрачены ключевые признаки этого образа: из судьбоносного божества кикимора трансформировалась в игровой персонаж жанровых сценок святочных и масленичных гуляний.

Ключевые слова: кикимора, мифология, календарная обрядность, Масленица, Святки, ряженые, маскарад, прядение, русские Сибири.

O.V. Golubkova

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
Novosibirsk, Russia
E-mail: Olga-11100@yandex.ru

Actualization of the Image of Kikimora in Beliefs and Masquerades of the Russians in Western Siberia

The mythological character “kikimora” is considered on ethnographic materials of various ethnocultural groups of Russians in Western Siberia. Kikimora was considered a character in the home space, mostly malicious, harmful, sinister. Kikimora was spinning. Therefore, she was associated with the symbolic embodiment of destiny: a deity that spins and breaks the thread of life. Kikimora embodied the trickster archetype. The concept of kikimora correlates with the symbols of time. “Border” periods are especially significant: the change of day, the transition from the old year to the new year. Therefore, the masquerade image of the kikimora entered the calendar rituals of the winter-spring period. In Western Siberia, until the middle of the twentieth century, the tradition of dressing up in “kikimora” on Christmastide and Maslennitsa (“farewell to winter”) was preserved. Women dressed up in old shabby clothes, smeared their faces with soot: they created the image of a slob. Masquerade “kikimors” carried items of women’s handicraft: wool, flax, a spindle, a comb. Entering the house, they pretended to be spinning threads. The concepts of forest and swamp kikimora, widespread in the 20th and early 21st centuries, are probably associated with the erosion of this image in popular beliefs. Consciousness transferred the kikimora

to a space far from the human cultural environment. Kikimora as a domestic demon, the spinning goddess disappears from popular beliefs, but is actualized in the forest and swamp spirits. The word “kikimora” is firmly entrenched in the Russian vocabulary to become a household name, a curse, while the characteristic features of the character have been preserved. The masquerade tradition in the twentieth century actualized the rudimentary idea of kikimora as a spirit spinning the thread of fate. However, the fundamental features of this character were lost: from the deity of destiny, kikimora turned into a playable character in genre scenes of Christmastide and Maslenitsa masquerades.

Keywords: *Kikimora, mythology, calendar ritual, Maslenitsa, Christmastide, costumed people, masquerade, spinning, Russians of Siberia.*

Символы и знаки, свойственные мифологическим представлениям разных народов, продолжают жить, развиваться и влиять на мировоззрение, формируя этнокультурный фон. Они являются связующими звеньями между прошлым и настоящим, традицией и современностью. С психологической точки зрения, символ неразрывно связан с коллективным бессознательным, поэтому символ всегда больше, чем рациональное понятие. «Каждая культура в процессе своего развития создает различные системы символов, призванных выступать своеобразными кодами для ее носителей, и личность, чтобы стать «своей» в культуре, должна освоить эти коды. В реальном общении символ никогда не сводится к одному определенному значению, он – всегда комплекс возможностей и смысловых перспектив» [Майничева, 2020, с. 9–10]. Базой для исследований различных пластов мировоззрения (мифоритуального комплекса, аспектов личной и коллективной психологии, этнокультурной идентичности) могут быть результаты анализа конкретных – как архаичных, так и современных – образов и символов этнической мифологии. Детальное изучение тонкостей сюжетной, локальной и функциональной специфики мифологических персонажей выстраивает общую картину мировоззренческого комплекса, позволяя реконструировать его утраченные элементы.

На полевых материалах (представления о мифологическом персонаже кикимора) рассмотрена проблема актуализации и стратегий сохранения элементов традиционной культуры у различных этнолокальных групп восточнославянского (преимущественно русского) населения в Западной Сибири. Цель работы заключалась в выявлении локальной специфики представлений о кикиморе у русских сибиряков и определении причин актуализации ее образа в маскарадной традиции календарных праздников (Святки, Масленица), учитывая, что «праздничная культура, являясь квинтэссенцией культурного состояния российского общества, становится полем проявления старых и конструирования новых символов и смыслов» [Золотова, 2020, с. 160]. Для реализации поставленных задач рассмотрены основные аспекты представлений о мифологиче-

ском персонаже: описаны облик, характерные признаки, типичные место и время, причинно-следственные связи появления кикиморы в доме (как их трактовали сами информанты), выявлена актуализация имени и облика кикиморы в современной лексике и карнавальная культура. Проведен сравнительный анализ текстов с аналогичными сюжетами ряда российских регионов, установлены степень и вероятные причины сохранности народных верований о кикиморе у русских в Западной Сибири на протяжении XX – начала XXI в. Основным источником исследования стали полевые материалы автора (ПМА): дневники этнографических экспедиций ИАЭТ СО РАН 1997–2021 гг. (личный архив), а также опубликованные этнографические и фольклорные материалы российских исследователей XIX–XX вв. [Афанасьев, 1868, с. 36–43; Власова, 1998, с. 215–224; Даль, 2008, с. 404–421; Криничная, 1995, с. 9–33; 2004, с. 175–178; Левкиевская, 2000, с. 259–265; Максимов, 1903, с. 61–68; Мифологические рассказы, 1987, с. 85–96; Черепанова, 1983, с. 122–130].

Кикимора – один из наиболее многоплановых персонажей. Неоднозначны представления о происхождении и локализации этого духа. В отличие от других широко известных мифологических персонажей (русалка, леший, домовый, водяной), кикимора не имеет общевосточнославянского распространения, это образ преимущественно русской демонологии. Поверья о кикиморе известны во многих регионах России: Архангельской, Ленинградской, Новгородской, Вологодской, Костромской, Ярославской, Владимирской, Самарской, Саратовской, Кировской, Томской областях, в Карелии, Пермском крае, Восточной Сибири; в меньшей степени они встречаются у белорусов; отсутствуют у украинцев и южнорусских этнографических групп [Власова, 1998, с. 215–224; Левкиевская, 2000, с. 259–265]. Большинство фольклорных текстов о кикиморе было записано на Русском Севере [Даль, 2008, с. 404–421; Криничная, 1995, с. 9–33; Максимов, 1903, с. 61–68], в Сибири они представлены собранием бывальщин Забайкалья из архива В.П. Зиновьева [Мифологические рассказы, 1987, с. 85–96]. Наши полевые материалы допол-

нили этнографическую коллекцию сюжетов несказочной устной прозы западно-сибирскими быличками о кикиморе, записанными в Новосибирской, Омской областях и Алтайском крае.

Этимология наименования «кикимора» имеет различные версии. Все словари сходятся в том, что нужно рассматривать две части слова – «кики» и «мора» – по отдельности, при этом исследователи единодушны в том, что *мора/мара/мага – олицетворение душ усопших, смерти, ночных кошмаров, «морочка», а также наименование одного из демонологических персонажей в ряде регионов России [Афанасьев, 1868, с. 37; Криничная, 1995, с. 5–30]. «Мары или марухи – старые, маленькие существа женского пола, которые сидят на печи, прядут по ночам пряжу и все шепчут да подпрыгивают, а в людей бросают кирпичами; в Олонецкой губ. ни одна баба не покидает своей пряслицы без молитвы, потому что в противном случае явится ночью мара, изорвет и спутает кудель» [Афанасьев, 1868, с. 36]. Но относительно первой части слова «кикимора» версии разнятся. В.И. Даль считал, что наименование духа происходит от женского головного убора – кики или кички («бабий головной убор, с рогами, род повойника») [Даль, 1881, с. 108; 2008, с. 404–407]. С.В. Максимов имя персонажа связывал с глаголом «кикать» как звукоподражанием птичьему крику [Максимов, 1903, с. 61–63]. Е.Е. Левкиевская «кик» возводит к древнему балто-славянскому корню *кук/кик/кык, который имеет значение горбатости, скрюченности. Другое название демона – «шишимора» – восходит к русским диалектным глаголам «шишить», «шишать» (копошиться, шевелиться, делать украдкой), что довольно точно соответствует «поведению» данного существа [Левкиевская, 2000, с. 259]. Происхождение кикиморы связывали с умершими некрещеными младенцами или проклятыми детьми [Афанасьев, 1868, с. 35–49; Даль, 2008, с. 404–421; Зеленин, 1995, с. 60].

В народных верованиях кикимора обычно наделялась вредоносными качествами: она пугала, гремела, стучала, била посуду, портила хлеб, рвала и путала нитки, ощипывала кур, загоняла лошадей [Даль, 2008, с. 406; Левкиевская, 2000, с. 259–265; Максимов, 1903, с. 62–63; Черепанова, 1983, с. 122–127]. На Русском Севере и в некоторых областях России кикимора считалась персонажем домашнего пространства. «Кикимора – род домового, который по ночам прядет; он днем сидит невидимкой за печью, а проказит по ночам, с веретеном, прялкою, воробами и вьюшкой» [Даль, 1881, с. 108]. Аналогичные представления известны в Сибири [Власова, 1998, с. 217; Мифологические рассказы, 1987, с. 88–96], зафиксированы ПМА. Образ домашней кикиморы, основанный на мифопоэтических на-

родных верованиях, вошел в художественную литературу [Сомов, 1984, с. 219–228]. В фольклорно-литературном образе кикиморы угадываются черты трикстера: она меняет облик, учиняет мелкие проказы, взаимодействует с людьми сначала в шуточной манере, а затем все более изощренно. «Мотивы “попадания во власть демонического существа” и “спасения от демонического существа” усиливают связь образа кикиморы с этим архетипом» [Мешкова, 2021, с. 1981].

Наряду с домашней кикиморой широко распространены представления о кикиморе лесной и болотной. В отличие от «классического» образа домашней кикиморы, в этнографической литературе упоминания о кикиморе болотной, лесной крайне скудны, они встречаются эпизодически. В то же время, словосочетание «кикимора болотная» устойчиво закрепилось в русской лексике. В 2015–2016 гг. мы провели этнографо-лингвистическое исследование по выявлению современных представлений о наиболее известных персонажах славянской мифологии у городских жителей различных социально-возрастных групп. Результаты опроса показали, что образ кикиморы, по сравнению с другими демонологическими персонажами, претерпел самые большие изменения: утрачена его связь с домашним пространством. В современной лексике имя кикиморы стало бранным словом – пренебрежительным наименованием вредной, неопрятной, некрасивой женщины со скверным характером [Ансимова, Голубкова, 2016, с. 130–138]. В 2021 г. автором данной статьи был продолжен опрос горожан разных регионов (через веб-ресурс), результаты которого показали, что абсолютное большинство (88 %) респондентов незнакомы с представлениями о домашней кикиморе, но слышали об этом персонаже как о лесном или болотном духе (МОА – материалы опроса автора, 2021). *Кикимора – женщина неприятная, некрасивая, злобная, точно не образец для подражания. Живет она в болоте, в чаще леса, где обычно люди не ходят* (МОА, 2021). *Кикимора – это женщина неопределенного возраста, вся в зеленом одеянии, живет около болота. Она дружит с Лешим и не очень понятно ее отношение к людям* (МОА, 2021). *Кикимора – это сущность другого мира. Это болотная ведьма, рожденная из утопленницы. Они сами по себе есть и злобные, и не очень, и весьма озорные. Кикимора может предупредить о чем-то, но событие судьбы неизбежно. Изменить его ты не сможешь, даже зная о нем* (МОА, 2021). *С детства помню, бабушка сказки читала. И мне всегда жалко было кикимору. Морь она на людей наводила, в болота затягивала. Но только плохих людишек, которые вели себя плохо, живность в лесу убивали. Кикимора хитрая, она*

и жадным людям дорогу к богатству покажет, да там из него душу вытянет (МОА, 2021). Кикимора похожа на маленькую девочку или девушку. Сама она очень маленькая, головка у нее как сожженная спичка. Живет на болоте, гадкая и вредная. Заводит путников не туда, куда надо, и как-то издевается над ними. Голос у нее тоненький и противный (МОА, 2021). Кикимора – худая, несимпатичная женщина с невымытыми длинными седыми волосами. Живет в лесу около болота (МОА, 2021). Кикимора это жена Лешего, болотная бабка. Она заманивает людей в болото. Сухая, как палка, с длинным носом, в лохмотьях. Круглые глаза, как у птицы. Когда люди теряются в лесу и аукают, то она откликается человеческим голосом, а вообще она по-человечески не разговаривает (МОА, 2021).

Кикиморой также называли куклу, сделанную в магических целях из тряпок, соломы или щепок: чтобы в доме «чудилось», для наведения порчи. Для усиления магического эффекта при изготовлении кикиморы-куклы использовали кровь или предметы, бывшие в соприкосновении с мертвецом (лоскут одежды, мыло, которым обмывали покойника, щепки, оставшиеся при изготовлении гроба и т.п.) [Максимов, 1903, с. 62–63; Мифологические рассказы, 1987, с. 88–96]. Кикиморой могли называть предмет, воспроизводящий звуки. Такая «кикимора» была средством мести печников и плотников. Обидевшись на хозяев, они могли определенным образом замуровать в печной трубе или в стене дома бутылочное горлышко, трещотку из щепок, чтобы ветер создавал неприятный шум, треск, пугающие «завывания» [Даль, 2008, с. 404–421; Максимов, 1903, с. 62–63].

В сельской местности исследуемого региона (на юге Западной Сибири) еще сохранились традиционные представления о домашней кикиморе – inferнальном вредоносном существе, которое создает шум и причиняет беспокойство в доме. *Если в доме кикимора заведется, от нее только одно беспокойство будет, добра не жди, потому что это нечистая сила* (ПМА: с. Первомайское, Алтайский край, 2009). *У соседней завелась кикимора. Каждую ночь по чердаку у них как на телеге по всей хате катались, грохот стоял. Заглянула к ним на чердак, а там кто-то маленький, патлатый сидит на корточках, на меня смотрит. Глаза красные* (ПМА: с. Светлое, Краснозерский р-н НСО, 2004). *Худые люди гвозди под крыльцо подкапывают, чтобы в доме было все плохо. Тогда кикимора придет, она будет пакостить, стучать и греть. От этого кто-нибудь заболеет или умрет* (ПМА: с. Мереть, Сузунский р-на НСО, 2018).

Устойчивым признаком кикиморы считали ее способность быть предвестником, а иногда при-

чиной несчастья, смерти кого-то из домочадцев или их родственников. *Сидели вечером в избе. Вдруг открылась дверь, зашла женщина (незнакомая – О.Г.) и давай танцевать. Женщина плясала по избе, как вихрь промчалась. Бабка давай читать молитвы, бабка дочь попа была, умела читать. Женщина сразу убежала. На другой день сестру в НКВД забрали. Вот она кикимора, нечистая сила* (ПМА: с. Лянино, Здвинский р-н НСО, 2002). *Завелась в доме кикимора. Стучала, посудой гремела. Увидела ночью – кошка черная крадется, а у нас кошки не было. Ну, думаю, не к добру это, кикимора завелась. В тот год у меня брат умер, после этого все прекратилось* (ПМА: д. Камышинка, Нижнеомский р-н Омской обл., 2002). *В войну у нас в подполе кикимора завелась. Никто не видел, а только слышали. Ночью, как спать ляжем, слышно шаги под полом: тук, тук. Страшно было. Потом слышу, как будто свистит внизу. То ли свистит, то ли плачет. Бабушка старенькая была, я ее спрашиваю: - Ты слышишь? это чё? Она говорит: - Слышу, это кикимора у нас плачет, жди беды. На следующий день принесли похоронку, брата убили. Мужики все на фронте были. Потом еще два раза слышали. А следом похоронки приносили* (ПМА: с. Зыряновка, Заринский р-н Алтайского края, 2009).

Представления о кикиморе как о прядущем духе можно назвать исчезающими, как и сам вид этой женской работы. Упоминания о кикиморе, которая трепала, пряла, мяла шерсть, лен или коноплю, были записаны от наиболее возрастных респондентов (1910–20-х годов рождения). *В бане кикимора завелась, коноплю тюпала (чесала, мяла – О.Г.). Было страшно зайти. Заглянула я в баню, а там кикимора сидит, коноплю тюпает. Тюпает и тюпает, стукоток стоит* (ПМА: д. Барлакуль, Здвинский р-н НСО, 2001). *Нельзя оставлять на ночь пряжу, не перекрестивши. Придет кикимора, все испортит* (ПМА: с. Нижняя Омка, Омская обл., 2002).

Кикимора связана с календарным циклом. На Русском Севере бытовали представления о том, что кикиморы существуют только в Святки или что в этот период кикиморы рожают шуликунов, которые вылетают через трубу на улицу и живут там до Крещения [Власова, 1998, с. 217; Черепанова, 1983, с. 125–128]. Представления о святочных духах-шуликунах также были зафиксированы в Сибири [Фурсова, 1994, с. 68–80]. Попадая в орбиту календарных верований, демонические существа становятся «кирпичиками» календарной мифологии, воплощающей календарные мифологемы. С их помощью отмечают обряды календарных «переходов», передаются символи-

ческие значения отдельных периодов и праздников. Календарная система активно «привлекает» демонов для мифопоэтического оправдания разного рода запретов [Агапкина, 2002, с. 374–377]. То есть, представления о кикиморе коррелируют с символическим воплощением времени, особенно его «пороговых» периодов – смены суток, перехода от старого года к новому. Очевидно, поэтому образ кикиморы вошел в календарную обрядность зимне-весеннего периода – как персонаж святочных и масленичных маскарардов.

На Русском Севере один из элементов святочного ряжения был представлен образом кикиморы. «Старухи на Святках являлись на беседу наряженными шишиморами – одевались в шоболки (рваную одежду) и с длинной заостренной палкой садились на полати, свесив ноги с бруса, и в такой позе пряли <...> Девушки смеялись над шишиморой, хватали ее за ноги, а она била их палкой» [Черепанова, 1983, с. 124–125]. В Сибири (в Кежемском р-не Красноярского края) старуха с прялкой, изображающая кикимору, была частью масленичного поезда: «на сани поставят лавку, на ей сидит старуха с прялкой, куделю прядет» [Громыко, 1975, с. 103].

Кикиморами рядились во время святочных и масленичных («проводов зимы») маскарардов в Новосибирской обл. до середины XX в. Женщины надевали старую одежду («лохмотья»), мазали лица сажей, растрепывали волосы, создавая неряшливый образ. Ряженные «кикиморы» вместе с другими карнавальными персонажами («цыганками», «чертями») ходили по селу, колядовали. «Кикиморы» несли шерсть или лен, веретено, чесалку; войдя в дом, изображали, что прядут кудель. *На масленицу наряжались чертями, кикиморами. Кикиморы несли в руках лен и трепали его, нитки крутили. Старые люди говорили, что так надо, от этого лен хороший уродится* (ПМА: с. Верх-Коён, Искитимский р-н НСО, 2000). *Кикиморы бегали по селу на новый год, на масленицу. Весело было, дурачились, наряжались. Кикиморы сажей лицо вымажут, лохмотья напялят и идут, поют песни* (ПМА: там же). *Под старый Новый год старухи в лохмотьях ходили, косматые, лица сажей перемазанные. Шли всей гурьбой по селу, песни похабные пели, а то и матерятся. За это их кикиморами называли* (ПМА: пос. Мошково НСО, 2000).

Итак, исчезающий из народных верований образ кикиморы как домашнего демона, прядущего божества, в XX – начале XXI в. актуализировался в представления о ней как о лесном или болотном духе. Вероятно, данный процесс связан с размытием образа кикиморы в народных верованиях и, как следствие, перенесением его в пространство,

далекое от культурной среды обитания человека. Слово «кикимора» прочно закрепилось в русской лексике, став именем нарицательным, ругательством, сохранив при этом характерные признаки персонажа. Маскарадная традиция в XX веке актуализировала рудиментарные представления о кикиморе как о прядущем духе, хотя уже были утрачены ключевые признаки этого образа: из судьбоносного божества кикимора трансформировалась в игровой персонаж жанровых сенок святочных и масленичных гуляний.

Список литературы

Агапкина Т.А. Мифопоэтические основы славянского народного календаря. Весенне-летний цикл. – М.: Индрик, 2002. – 816 с.

Анимова О.А., Голубкова О.В. Мифологические персонажи домашнего пространства в народных верованиях русских (этнографический и лексикографический аспекты) // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2016. – Т. 44. – № 3. – С. 130–138.

Афанасьев А.Н. Поэтические воззрения славян на природу. Опыт сравнительного изучения славянских преданий и верований в связи с мифическими сказаниями других родственных народов. – М.: Изд-во К. Солдатенкова, 1865: – Т. I. – 800 с.; – 1868: – Т. II. – 784 с.; – 1869: – Т. III. – 840 с.

Власова М.Н. Русские суеверия. Энциклопедический словарь. – СПб.: Азбука, 1998. – 672 с.

Громыко М.М. Трудовые традиции русских крестьян Сибири (XVIII – первая половина XIX в.). – Новосибирск: Наука СО, 1975. – 350 с.

Даль В.И. Поверья, суеверия и предрассудки русского народа. – М.: Эксмо, 2008. – 736 с.

Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. – М.–СПб.: Гостинный двор, Кузнецкий мост. – 1881. – Т. II (И – О). – 810 с.

Зеленин Д.К. Очерки русской мифологии: Умершие неестественной смертью и русалки. – М.: Индрик, 1995. – 432 с.

Золотова Т.Н. Современная праздничная культура России: Сохранение русских традиций, конструирование новых символов и смыслов // Этнография Алтая и сопредельных территорий. – Барнаул: Изд-во Алтай. гос. пед. ун-та, 2020. – № 10. – С. 160–171.

Криничная Н.А. Нить жизни: Реминисценции образов божеств судьбы в мифологии и фольклоре, обрядах и верованиях. – Петрозаводск: Изд-во Петрозавод. ун-та, 1995. – 40 с.

Криничная Н.А. Русская мифология: Мир образов фольклора. – М.: Академический проспект; Гаудеамус, 2004. – 1008 с.

Левкиевская Е.Е. Мифы русского народа. – М.: Астрель: АСТ, 2000. – 528 с.

Майничева А.Ю. Современные исследования роли символов и знаков в мировоззрении русских Сибири XVI – начала XVIII в. // Гуманитарные науки в Сибири. – 2020. – Т. 27. – № 2. – С. 5–12.

Максимов С.В. Нечистая, неведомая и крестная сила. – СПб.: Товарищество Р. Голике и А. Вильборг, 1903. – 530 с.

Мешкова К.Н. Шекспировская поэтика мифа в повести О.М. Сомова «Кикимора» // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2021. – Т. 14. – № 7. – С. 1979–1983.

Мифологические рассказы русского населения Восточной Сибири / Сост. В.П. Зиновьев. – Новосибирск, 1987. – 400 с.

Сомов О.М. Были и небылицы. – М.: Советская Россия, 1984. – 368 с.

Фурсова Е.В. «Шуликаны» и нечистая сила в селах Западной Сибири // Гуманитарные науки в Сибири. – 1994. – № 3. – С. 68–80.

Черепанова О.А. Мифологическая лексика Русского Севера. – Л.: ЛГУ, 1983. – 169 с.

References

Agarkina T.A. Mifoepicheskie osnovy slavianskogo narodnogo kalendaria. Vesenne–letnii tsikl. Moscow: Indrik, 2002, 816 p. (In Russ.).

Ansimova O.A., Golubkova O.V. Mythological characters of the domestic space in Russian folk beliefs: lexicographic and ethnographic aspects. In *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*, 2016, no 3. Vol. 44. P. 130–138. (In Russ.). doi:10.17746/1563-0102.2016.44.3.130-138

Afanas'ev A.N. Pojeticheskie vozzrenija slavjan na prirodu. Opyt sravnitel'nogo izuchenija slavjanskikh predanij i verovanij v svjazi s mificheskimi skazanijami drugih rodstvennyh narodov. Moscow, 1868. Vol. II, 784 p. (In Russ.).

Cherepanova O.A. Mifologicheskaja leksika Russkogo Severa. Leningrad: Leningrad State University, 1983, 169 p. (In Russ.).

Dal' V.I. Pover'ya, sueveriya i predrassudki russkogo naroda. Moscow: Eksmo, 2008, 736 p. (In Russ.).

Dal' V.I. Tolkovij slovar' zhivogo velikoruskogo jazyka. Moscow–St. Petersburg: Gostinyj dvor, Kuzneckij most, 1881. Vol. II, 810 p. (In Russ.).

Fursova E.V. “Shulikany” i nechistaja sila v selah Zapadnoj Sibiri. *Humanitarian sciences in Siberia*, 1994, no 3. P. 68–80. (In Russ.).

Gromyko M.M. Trudovye tradicii russkikh krest'jan Sibiri (XVIII – pervaja polovina XIX veka). Novosibirsk: Nauka SB, 1975, 350 p. (In Russ.).

Krinichnaya N.A. Nit' zhizni: Reministsentsii obrazov bozhestv sud'by v mifologii i fol'klоре, obryadakh i verovaniyakh. Petrozavodsk: Petrozavodsk State University, 1995, 40 p. (In Russ.).

Krinichnaia N.A. Russkaia mifologija: Mir obrazov fol'klora. Moscow: Akademicheskii prospect, “Gaudeamus”, 2004, 1008 p. (In Russ.).

Levkievskaja E.E. Mify russkogo naroda. Moscow: Astrel': AST, 2000, 528 p. (In Russ.).

Mainicheva A.Ju. Modern research of the role of symbols and signs in the world view of Russians in Siberia at the end of the 16th – beginning of the 18th centuries. *Humanitarian sciences in Siberia*, 2020. Vol. 27, no 2. P. 5–12. (In Russ.). doi:10.15372/HSS20200201

Maksimov S.V. Nechistaja, nevedomaja i krestnaja sila. St. Petersburg: Tovarishchestvo R. Golike i A. Vil'borg, 1903, 530 p. (In Russ.).

Meshkova K.N. Shakespearean poetics of myth in O.M. Somov's novella “Kikimora”. *Philology. Theory & practice*, 2021. Vol. 14, no 7. P. 1979–1983. (In Russ.). doi:10.30853/phil210344

Somov O.M. Byli i nebylicy. Moscow: Sovetskaja Rossija, 1984, 368 p. (In Russ.).

Zelenin D.K. Oчерki russkoi mifologii: Umershie neestetvennoi smert'yu i rusalki. Moscow: Indrik, 1995, 432 p. (In Russ.).

Zinov'ev V.P. (ed.). Mifologicheskie rasskazy russkogo naselenija Vostochnoj Sibiri. Novosibirsk, 1987, 400 p. (In Russ.).

Zolotova T.N. Modern holiday culture of Russia: Preservation Russian traditions, constructing new symbols and meanings. In *Etnografija Altaja i sopredel'nyh territorij*. Barnaul: Altai State Pedagogical University, 2020, no 10. P. 160–171. (In Russ.). doi:10.37386/2687-0592-2020-10-160-171

Vlasova M.N. Russkie sueverija: Entsiklopedicheskii slovar' (Encyclopedic Dictionary). St. Petersburg: Azbuka, 1998, 672 p. (In Russ.).

Голубкова О.В. <https://orcid.org/0000-0002-9936-8555>